

Руслан Белов

Кот в сапогах

Руслан Альбертович Белов
Кот в сапогах

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=157637

Руслан Белов

Кот в сапогах

* * *

Мне достался кот. Старший брат к своей усадьбе близ Рублевки получил уютную двухэтажную виллу на Юго-западе и новенький синий «Опель» престижной модели, среднему достался дом на побережье, естественно, Испании и еще один в Буэнос-Айресе. Что ж, они знали, где почесать у тетки.

А мне, невежде, достался черный кот, плюс – стал бы я за ним ездить, – особняк в деревне, в котором он проживал. В последний, оказавшийся относительно упорядоченной грудой досок, прикрытой прогнившим толем, я не пошел – побоялся вымазаться, да и обрушиться от свежего осеннего ветра он мог только так. Постояв посередине единственной сотки и поглазев на буйство беспризорной природы, я удрученно развел руками и пошел на станцию. Большой, уверенный в себе черный кот, потом я назвал его Эдгаром, вошел в электричку следом, и мне не хватило духа выбросить его в окно. В вагоне, почти пустом, я сел у окна; он устроившись напротив, принялся полосовать меня желтыми зенками.

Мне, стало не по себе, вспомнился «Черный кот» Алана

Эдгара По. Я воочию увидел обезумевшее животное, случайно замурованное в стену вместе с трупом женщины, животное, страшно щерящееся, сидя на раскроенной топором голове. Брр!

* * *

Надо сказать, тетка была права, так несимметрично разделяя наследство – среди близких родственников я слыл непутевым, и слыл, по крайней мере, с первого класса. Почему? – спросите вы? Да потому что систематически являлся домой с двойкой по чистописанию, а также с расквашенным носом и синяком на глазу, а то и на двух. Родители не знали, что получал я кулачные травмы, защищая братьев, учившихся во втором (средний брат), и в третьем классе (старший). Они молчали, и я становился в угол или лишался сладкого, но, тем не менее, на следующий день или неделю, увидев, что бьют «ябеду», то есть среднего брата, или «задаваку» – старшего, закрыв глаза, бросался со сжатыми кулаками на ребят, ничего кроме уважения, у меня не вызывавших. Братья всегда ходили чистенькими и умненькими, боялись червяков и ангины, любили обклеиваться пластырями телесного цвета и расцветиваться зеленкой, говорили «добрый день, милая тетушка» и «ах, тетушка, как вы умны», дарили ей самодельные оды («Тетя Вика, вы как клубника») и рисунки маслом на холстах, на два порядка уступавшие обезьяньим (Ах, ах,

как талантливо, как свежо, как искренне», – расцвела тет-ка), а я, чумазый, с распущенными шнурками, выращивал в огороде репу, чтоб как в сказке вытянуть всей семьей, и, увидев тетушку, замечал, что «надо больше двигаться, а то скоро в эскалаторе застрянете со своей фигурой».

Папа мой (в памяти он всегда сидит в плетеном кресле с многостраничной газетой, полной таинственных диаграмм и таблиц), когда я прибегал к нему с чудесным махолетом, собственноручно изготовленным, но почему-то не желавшем летать, смотрел на меня, как на доморощенного Иванушку Кулибина, не читающего газет, и потому не знающего, что на Западе все давно изобретено и все давно летает, и потому не стоит ничего придумывать, а надо просто вынуть бумажник и купить то, что хочется или нужно. Мама моя меня любила (и по-прежнему любит), но как дичка, плоды которого никому не пригодятся.

В конечном счете, умные мои братья то так, то сяк, стали выглаженными юристами-экономистами не-сунь-палец-в-рот, а я, глупый, с репой, махолетом и какими-то не такими мозгами – геологом.

Да, геологом, всю молодость проишачившим в тайге, горах, пустынях и прочих негостеприимных местностях, и потом написавшим диссертацию, не принесшую никаких дивидендов, кроме четырех точек, того же количества букв и одного тире, образующих бессмысленную аббревиатуру к.г.-м.н. Умные мои братья ступенька за ступенькой шага-

ли вверх по карьерным лестницам, я же менял их одну за другой, менял, пока не понял, все они ведут куда угодно, но только не туда, где хорошо и просто жить.

Человек, понявший это (и многое другое), естественно, не может обойтись без пары стаканчиков на сон грядущий. Конечно, пара стаканчиков не смогла бы подвигнуть меня на удаление пронзительно уничижающего котиного глаза при помощи перочинного ножичка, как сделал это герой Эдгара По (который, кстати, был горьким алкоголиком), но чем черт не шутит? Ведь ежедневная пара стаканчиков – это счастливая семейная пара, весьма склонная к размножению.

Нет, я не алкоголик, не подумайте – не было у меня в родне алкоголиков, и пока не параноик. Но этот кот... Как только я его увидел, в меня вошло понимание, что явился он по мою жизнь, явился, чтобы сунуть ее себе под хвост, сунуть нагло и насильственно.

И поэтому, расположившись удобнее, я стал думать, как избавиться от навязчивого наследства, вне всякого сомнения, намеревающегося пометить в личную собственность меня самого и единственное, что у меня есть – мою территорию, мою уютную квартирку, мое второе я. В том, что от наследства придется избавляться – грубо и насильственно – сомнений не было: лишь хитрое и злонамеренное животное могло незамеченным сопроводить жертву до станции, а ведь до нее я шел километров пять, шел, любуясь видами, в том числе и остававшимися за спиной.

И еще кое-что подталкивало меня к решению проблемы насильственным путем. Это кое-что было убеждением, что не кот, завещан мне, а я коту.

– Хорошо, что в дом не пошел, – подумал я, пристально посмотрев на животное, продолжавшее сверлить меня глазами. – Если бы пошел, точно увидел бы на кухонном столе записку, заверенную нотариусом, записку примерно такого содержания:

Мильй Эдгар!

Я до сих пор сержусь, что ты не поехал со мной в Аргентину. И потому из вредности своей душевной (ты же знаешь, я всегда была бяка), завещаю тебе своего племянника, Васю Чернова или Карабаса (так я называла его, за своевольный нрав и неосмотрительные поступки). Будь с ним построже и присматривай пристально – он, как и ты, форменный кот и лиса, к тому же еще и разгильдяй. Целую тебя в сладкий носик. Если можешь, прости за измену. Мурмур-му, твоя Киска Вика.

P.S. Сегодня шла по пляжу с гаучо, и показалось – ты перебежал дорогу!

Всмотревшись в воображаемое письмо, я увидел под текстом дату смерти тетки. Взгляд мой, став убийственным, впился в уверенно-вальяжное животное с намерением установить его слабые и сильные свойства.

«Голова круглая, большая, из петли не выскользнет, – отмечал я. – Шея толстая, упитанная – ей предстоит стать мно-

го тоньше.

Тело мускулистое – представляю, как оно повиснет окочевшей на морозном ветру половой тряпкой. Ноги, то бишь лапы... Что это такое?!

Лапы у кота были не иссини черными, как тело, но коричневыми, шерстка на них была длиннее, и потому мое достоиние казалось обутом в сапоги.

– Да ты в сапогах! – залился я смехом. – Это ж надо! Да еще, кажется, шестипалый!

Я пересчитал пальцы кота – он отнесся к этому великодушно, то есть подал мне одну лапу за другой. Пальцев оказалось 26!

– Да ты мутант батенька... – проговорил я, закончив с арифметикой. – Насколько я знаю, кот, попавший в книгу рекордов Гиннеса, имеет на один палец меньше. Кот-мутант! Черт, разве могло что-нибудь другое упасть на мою голову, после той вороны...

Набожная на вид женщина в золотых очках, дремавшая через сидение напротив, очнулась от поминания черта и посмотрела неодобрительно. Девушка из породы мобилов, сидевшая рядом с ней, оторвалась на секунду от своего телефончика. Кот пошевелился, как бы ослабляя хватку удавки, и сказал «мя-я-у» со смыслом: «Ну, мутант. А что?». И улыбнулся потом, открыто и доброжелательно. От этой улыбки мысленная веревка, сжимавшая его шею, мигом исчезла, и он показался мне уже не исчадием ада, злонамеренно сва-

лившемся на голову, а свойским парнем, с которым легко идти по жизни.

Кот уже подумывал, не перебраться ли мне на колени (мыслил он зримо), но тут перед нами предстала русоволодая девочка в сарафане с большими красными маками; посмотрев на «сапоги» проказливыми глазами, она вынула из кармана шоколадную конфету, развернула и со словами: – Кушай, котик в сапогах. Ты птичек, наверное, любишь, а это «Ласточка», – положила ее перед моей движимостью.

Котик мигом схватил конфету, вязко разжевал и в две попытки проглотил.

– Он еще и конфеты ест... – хмыкнул я, окончательно решив зачислить кота в домашнее штатное расписание.

На третий день жительство, он уселся предо мной, жизнерадостно общавшимся с бутылкой вина, и выдал руладу: «тяя у кятяяррой яя укряяден в отмяястку тяяже стяянет кряясть». Что я мог сделать с котом, цитировавшим Евгения Евтушенко? Только плеснуть ему портвейна в блюдечко, дабы поговорить по душам, уравнившись хотя бы в содержании алкоголя в крови.

Наполнив кошачий фужер, я поставил его на стол перед свободным стулом и сделал церемонный приглашающий жест. Эдгар впрыгнул на предложенное место, понюхал вино, чтобы тут же взвиться на метр вверх назад. Это бы ничего, любить или не любить алкоголь сомнительного качества – личное дело каждой всесторонне развитой личности,

но ведь подпрыгивая, он зацепил когтем скатерть, и моя бутылка, опрокинувшись, забулькала впустую. Я, ошарашенный непонятым поступком, не смог вовремя вернуть ее в горизонтальное положение, ибо скатерть двигалась быстрее моей руки, способной в трезвом состоянии схватить за крылышки быстролетящую муху.

Выпив не пролившиеся пятьдесят грамм прямо из бутылки (представляете мой тогдашний моральный облик?), я успокоился. Это помогло мне посредством неспешных размышлений прийти к здравой мысли, что зло должно быть наказано немедленно и жестоко. Да, немедленно и жестоко, ибо, в противном случае оно сядет на голову, и пить мне придется на улице, лестничной площадке или даже запершись в туалете. А это либо не соответствует моим привычкам, либо унижительно.

Утвердившись в необходимости возмездия, я призвал к себе кота. Судя по виноватому выражению глаз, он также придерживался мнения, что наказание всегда, везде и за все должно быть неотвратимым. И, когда я приговорил его к поражению в правах и помещению на три часа в сантехническое отделение туалетной комнаты – ну, там, где вентили и трубы с горячей и холодной водой, а также капает и хранится вантуз – он вел себя достойно, разве что не держал за спиной передних лап, как заправский зек.

Пробыл Эдгар в заключение около получаса. За это время стыд объел мои моральные принципы до костей, и я решил

объявить амнистию в ознаменование наступающего Дня работников леса. Осуществив ее оперативно и без проволочек, заглянул виновато в глаза досрочно освобожденного. И что вы думаете, в них увидел? Решимость за первую же провинность перед ним, несчастным котом, приговорить меня к помещению на полтора часа в сантехническое отделение туалетной комнаты!

Вот чем плоха демократия – я-то крупнее по габаритам раз в десять. Но что делать? Общее житие – есть общее житие, в нем все должны быть принципиально равны перед законом, и потому я решил вести себя по отношению к сожителю корректно. Его же поведение куртуазностью не страдало, и спустя несколько дней провинившись вновь, он получил новый срок и как рецидивист был сослан в места не столь отдаленные, то есть в холодные края.

И тут это животное приносит мне кошелек, понуждая заняться делом.

– Хм... Если он займется мною, быть мне маркизом Карабасом, – подумал я, оторвав взгляд от внутренностей своего кошелька. – Маркиз Карабас... Звучит неплохо. Нет, маркиз Чернов-Карабас лучше, Хотя, пусть хоть маркизом Груздем назовут, лишь бы кликали маркизом да зятем короля. Кстати, что кот в сапогах из сказки Шарля Перро сделал для своего хозяина в первую очередь? Он приделал его.

– Эдгар, – уразумев это, обратился я к коту по-свойски. – Придется бы, а то хожу как интеллигент в третьем поко-

лении. У нас ведь, знаешь, по одежке принимают, а по уму только выпроваживают. Недавно в бар на Тверской не пустили – dress-контроля не прошел.

Кот, живо встав, подошел к двери и принял позу напряженного ожидания.

– Красть, что ли пойдем? Скалку взять вместо холодного оружия? Сумку повместительнее?

Он посмотрел недоуменно. Я на мгновение поверил, что получу все то, что получил обладатель кота в известной сказке. И заявил:

– Прежде чем идти с тобой, давай обсудим наши действия и приоритеты. Я, например, категорически отказываюсь стать зятем короля Лесото, так же как Свазиленда и Бутана. Также ни при каких условиях не соглашусь на ритуальное обрезание и премьер-министра Израиля в качестве father-in-law.

Эдгар подошел и сел передо мной. Я посмотрел ему в глаза и понял, что он принимает сказанное к сведению, то есть заносит мои условия в свою мозговую записную книжку.

– Что же касается людоедов, превращающихся в мышей и во львов, то знай: они мне категорически не нравятся. В нашем обществе они, вероятно, представлены депутатами разных уровней, их в качестве сводных родственников также прошу не предлагать.

Кот качнул согласно головой. Глаза его спросили: – А может, хочешь чего конкретного?

Я смежил глаза и увидел уверенную в себе чудесную девушку, любящую меня чувственно и платонически, увидел помесь пантеры с домашней хозяйкой. Она, в обтягивающем черном платье, воздушно сидела в мягком кресле и рассеянно вязала пинетки, вязала, страстно вождедея скорей окатиться в моих объятиях.

Затем в грезу явилась теща. Эта на удивление приятная женщина принесла пирожки с мясом – горячие, бесподобно вкусные – и, поцеловав в лоб, села рядом так, что я мог чувствовать ее родное тепло (с женами мне в общем-то везло, а вот с этими змеями была одна беда, точнее, две). Когда я расправился с пирожками, прилетел с удочками тесть на новеньком ковре-самолете и, выпросив меня у жены до вечера, повез на вечерний клев в Сочи.

Открыв глаза, я посмотрел на кота.

– Это все просто, – ответил его взгляд. – Таких людей – и жен любимых, и тещ ласковых, и тестей не разлей с тобой вода – хоть пруд пруди. Нужно только положить шестнадцать-семнадцать миллионов в банк, я знаю какой, не штопать жлобски носок и... и добросовестнее встряхивать пискку перед тем, как заправлять ее в трусы.

Я запустил в него диванной подушкой. Выбравшись из-под нее, он сел у двери спиной ко мне. На улицу все равно надо было идти – рыба у моего благодетеля давно кончилась, и мы пошли вон.

Из подъезда Эдгар выбрался первым. Оглядев меня стро-

гим взглядом, кот так величаво пошел по тротуару, что мне ничего не оставалось делать, как пристроиться сзади верным оруженосцем. Проходя мимо гастронома с рыбным отделом, он, весь пропитанный осознанием важности осуществляющегося действия, и носом не повел. У винного же магазина обернулся и строго посмотрел в глаза.

– Да нет, я не и не думал, – стал я оправдываться, чувствуя себя морально сломленным.

– Ну и молодец, – одобрительно колыхнулись его зрачки. Он остановился у зоомагазина, и я, потеряв к нему уважение, подумал: – Сейчас на все полтора ста консервов купит. А на остальные сухарей с запахом рыбы. А я-то, дурак, ва-режку разинул.

Я ошибался.

В магазине он подошел к прилавку с кошачьей парфюмерией, поднялся на задние лапы и смотрел на тот или иной товар, пока я не заказывал его продавцу. Чего он только не накопил! И мыла душистого, и таблеток для шерсти, и одеколону, а на последние деньги приобрел аховый ошейник – сам бы такой носил. При расчете не хватило десятки, но кассир, ошеломленный поведением кота, мне ее простил. Эдгара к тому времени в магазине уже не было: быстрым шагом он ушел, как я понял, домой, чтобы быстрее употребить свои покупки в дело.

Дома я их вынул и разложил на столе. Разложив, скептически спросил: – А что мы будем есть? Это?

– Да, это, – ответил взгляд кота, и мне пришлось засучить рукава.

Через сорок пять минут Эдгара, постриженного, вымытого и обработанного кошачьими снадобьями, было не узнать. Он дивно пах, лоснился, усы его казались продолжением характера. Кот выглядел как вельможа, знающий цену и себе, и мне, и как-то раз, когда он, в раздумье прохаживавшийся по квартире, пришел на кухню, я суетливо, как прилежный школьник, почтил его вставанием. К вечеру он попросился на улицу. Я проводил его до подъезда и вернулся домой.

* * *

В дверь поскребли часов в пять вечера. Распахнув ее, я увидел Эдгара. Вид у него был подгулявший, глаза ухарски (и сыто!) блестящие.

Дав мне время разместить эту картину в сознании и обрести в результате завистливый вид, он пошел вниз (моя квартира на втором этаже). Я спустился за ним, и увидел в фойе стройную (это я отметил в первую очередь), плюс без сомнения симпатичную (это во вторую), плюс элегантно и не скупую одетую (это потом) и минус в стельку нетрезвую девушку, насмерть добитую теплом подъезда. Она стояла, плотно прислонившись грудью и правой щекой к стене, и старалась не пасть на колени. Старания эти выражались в том, что разведенные ее руки пытались нащупать в бетоне спасительные

неровности. У ног девушки важно пузатились два больших пакета из ближайшего супермаркета – они, доверху набитые коробками и консервами, казалось, прогибали пол. Из одного выглядывало горлышко едва початой и, несомненно, литровой бутылки популярного на Западе самогона по тысяче за пинту.

Ее явная литровость меня подстегнула. Я схватил пакеты, отнес на кухню, вернулся к лифтам, чувствуя себя мужественным спасателем из МЧС, взял девушку за талию, оторвал от стены, и на вытянутых руках бережно понес в квартиру. Оказавшись на кровати, она кошечкой потянулась, затем простерла ко мне руки невыносимой пластики. Они, не подержанные вестибулярным аппаратом, доверху запроверженным виски, тут же упали плетями: Эдгарова гостья провалилась в мертвецкий сон.

Я зажег нижний свет, внимательно осмотрел пришлицу и пришел к категорическому выводу: Эдгар отловил для меня самую Венеру Милосскую. Пристальное повторное рассмотрение чуда света привело меня к твердому убеждению (извините за жаргон – я ж работаю в науке), что передо мной вовсе не мраморно-банальная Венера Милосская, а изумительная русская девушка, по какому-то недоразумению набравшаяся напитков повышенной градусности. Она была столь пленительна, что я, обалдевший эстетически, нескоро решился ее частично разоблачить (то есть снять плащ и полусапожки), дабы девушке было удобно поживать.

К Эдгару явился чумной – такого тела (оно было в коротком обтягивающем платье) я не видал и на лучших дисках эротического содержания. Впрочем, скоро мое настроение, мягко говоря, значительно ухудшилось – разобрав содержимое пакетов, я нашел в них одно кошачье питание. Эдгар недоуменно пожал плечами и выразил взглядом:

– И что ты горячишься?! Я неделю ел твой зверобой с луком, и в знак благодарности решил угостить тебя настоящей едой, кстати, из генетически не измененных продуктов.

...Кошачьи консервы под «Бифитер» пошли с треском, и я расправился с ними быстрее того, кому они предназначались. Насытившись, мы уселись друг перед другом, и брат мой меньший стал меня гипнотизировать:

– Скоро она проснется, голодная от этого самого, чем будешь угощать?

– Этим что ли? – показал я на консервы и пакеты, толпившиеся на столе.

– А что китикэтничать? Готовить ты умеешь.

Я пожал плечами: – А почему бы и нет?

Меньше, чем через час – девушка, приходя в себя, уже мелодично постанывала – все было готово.

Особо мне удалось второе блюдо (гуляш «мяуляш» порумынски) с гарниром из перловки, смешанной с сердечками говядины и посыпанный мелко порезанной отборной петрушкой и тертой брынзой (нашелся кусочек, затерявшийся на верхней полке холодильника). Салат «kiss-me-kiss» из

ассорти сухого корма с шампиньонами и картофелем, приправленный зверобоем тоже получился просто пальчики оближешь, но вызывал опасения, что корм быстро наберет влагу и потеряет вкусовые качества. Само собой, на гребне творческого порыва из наличного материала, смешанного со сливовым вареньем и морковным пюре приготовилось сладкое на десерт, весьма привлекательное, надо сказать, по внешнему виду.

Когда я закончил с украшением блюд зеленью, Эдгар встал у плательного шкафа, требовательно глядя, и мне пришлось переодеться к ужину. Нарядившись и даже попрыскавшись одеколоном, я предстал перед своей кроватью. Девушка к этому времени пришла в себя и лежала, бессмысленно глядя в потолок. Я навис над кроватью, чтобы она смогла меня увидеть.

– Вы кто?.. – спросили ее алые уста – они стоили трех царств.

– Я? Я, собственно, капитан этой посудыны.

– Какой посудыны?..

– Этой кровати. Кстати, она помнит отчаянные штормы.

– А... А я кто? Матрос? Или вы меня подобрали в море?

– Я думаю, этот философский вопрос легко решиться после приема внутрь известного лекарства.

Глаза девушки побродили кисло по моей фигуре и остановились ниже пояса. – Вы что имеете в виду? – вернув мне свои очи, спросила она кисло.

– Я имею в виду стаканчик виски.

Вздыхнула еще. И тут на кровать запрыгнул кот. Он урчал. Господи, что с ней случилось!

– Киска! Эдичка! – заулыбалась она, ярко осветив комнату улыбкой. – Иди ко мне, мой милый, мой хороший. Это ты меня спас, ты вытащил меня из моря? О, господи, какое оно противное, как меня качало. Какой же ты хороший, не бросил меня...

Эдгар, как будто всю жизнь был Эдичкой, лег ей под бочок. Под теплую круглую упругую грудь лег, негодяй. Она принялась его гладить, целовать в мордочку, тормошить. Кот обомлел, перевернулся на спину, плотоядно обнажив живот и все такое, откинул голову на белоснежную руку и заурчал, как больной хроническим бронхитом.

Не в силах вынести этой аморальной картины – разве не безнравственно на первом же randеву, пусть камерном, выставлять срам наружу? – я умчался на кухню составлять план мучительной казни узурпатора и растленца. Повешение показалось мне недостаточным, отравление мы уже видели.

Подумав, я решил завтра же утром снести кота в ближайший лесопарк, пригнуть две березки, привязать к вершине одной левую заднюю ногу, к другой – правую и быстренько отбежать в сторону, чтобы обстоятельно рассмотреть результат распрямления деревьев. Когда они распрямились (конечно, в воображении), мне стало стыдно своей жестокости, и я принялся изгонять из головы мстительные соображения.

Это получилось, и тут же в освободившееся место закралась мысль, что мы с ним можем пользоваться, фу, поклоняться девушке вдвоем, ведь наши притязания лежат в разных чувственных плоскостях.

И тут появились они. Кот и гостья. Он, конечно, лежал у нее на руках. Брюхом вверх, естественно.

– Меня зовут Наташа, – ангельски улыбнулась она, почесывая мое сокровище за ухом.

– А меня Женя. Я снимаю у этого господина угол собственной квартиры. Девушка рассмеялась так, что у меня сжалось сердце. Она была и красавицей, и домашней пантерой. Я влюблялся со скоростью ночной электрички.

– Он, лапушка, спас меня... – голосок у нее был ангельский.

– Спас?! – притормозила электричка.

– Да. Два отвратительных типа увязались за мной, а он, рыча, как тигр, перешел им дорогу.

– Эти типы были тайными агентами вытрезвителя? – красноречиво подумал я.

– Я у подружки набралась, – посмотрела виновато. – Она меня напоила, чтобы... Ну, в общем, напоила. А я не люблю быть пьяной...

– И потому напиваюсь вдрызг, – подумал я, посмотрев на бутылку виски.

– Фу, какой вы противный!

Я не нашелся с ответом и она, усевшись за стол, скепти-

чески обозрела обстановку жилища что ни на есть старшего научного сотрудника. Закончив, втянула очаровательным носиком воздух и призналась: – Умираю с голода. А вы, судя по запаху, что-то сногшибательное готовили?

– Пока вы отдыхали, мы с Эдиком кое-что эдикое для вас приготовили... – заулыбался я двусмысленно и принялся накрывать на стол.

Спустя десять минут мы молча ели. Наташа уписывала за обе щеки. Когда она, насытившись, достала записную книжечку, чтобы записать рецепты приготовления салата «kiss-me-kiss», в дверь позвонили.

Посмотрев в глазок, я увидел уборщицу Машу и открыл. Этот кот! Если бы он не занимался любовью с Наташей, а был нормальным котом, то есть слушал бы и вынюхивал перманентно, как слушает и вынюхивает нормально воспитанное домашнее животное, не деградировавшее на дармовых консервах с витаминами и активными биологическими добавками, то, конечно же, не случилось бы того, что случилось...

* * *

Эти кошки! – ухожу в лирическое отступление, потому что хочется хоть как-то оттянуть описание последующих событий.

Эти кошки! Мамин сиамский кот Тимофей садился у двери, лишь только транспорт доставлял ее к дому. Он чувство-

вал все – ее настроение и то, что было в сумке. Если то, что было в сумке, не волновало его, он демонстративно удалялся в дальнюю комнату.

Эти кошки! Однажды мы сцепились с Тимофеем, и он проиграл – реакция оказалась похуже. И что вы думаете? Он признал поражение? Нет. Он сделал-таки то, что хотел сделать – укусил до крови. Но не меня, а отца, безмятежно читавшего газету в своем кабинете.

Эти кошки! Однажды Тимофей обмочил мои ботинки, и девушка, которую я охмурял целый квартал, оставила меня бесповоротно!

Эти кошки! Сколько лет мама кормила нас морковным пюре, предварительно выжав из него сок для своего любимца!

Эти кошки! Однажды этот любимец мамы упал с седьмого этажа. И что вы думаете, он разбился в лепешку? Нет, он, умело планируя, приземлился на шляпу гражданина, мирно проходившего мимо дома в десяти метрах от него. Слава богу, мать догадалась исчезнуть вместе с котом до того, как потерпевший пришел в сознание, а то бы в «Московском Комсомольце» не появилась заметка, долго будоражившая общественное мнение (я имею в виду сообщение о появлении в городе агрессивно настроенных ворон-акселератов).

Эти кошки! Теперь вы понимаете, почему я до сих пор не верю в то, что случившееся после того, как я открыл дверь, случилось не по умыслу Эдички, кота в сапогах – он навер-

няка знал, кто стоял в стороне от двери. И также доподлинно знал, что они собираются сделать со мной. Но если бы он знал, что случится с ним, то мы по завершении наших приключений не получили бы того, что получили.

* * *

Расслабленный обаянием земной богини, по воле кота попавшей в мое жилье, я распахнул дверь, и в квартиру ворвались два типа в черных костюмах крайне спортивного телосложения, не иначе мастера спорта международного класса по буддизму, а то я не умчался бы в nirvanу со скоростью гоночной машины.

Я умчался в nirvanу от благословения в лоб, свалился в коридоре с выскочившими вмиг глазами, и потому смог увидеть то, что случилось после того, как сцена приняла мое тело в горизонтальное свое распоряжение.

Увидев типов, Наташа недовольно сморщила носик, поцеловала кота в мордочку, бережно положила его на диван. Затем, не зная, что он деревенский, и языков, кроме мышинного, не понимает, помахала пальчиками:

– See you later, my honey! – после чего подошла ко мне, погладила, гибко нагнувшись, мерно гудящую голову, бросила: – А ты красавчик... Спасибо за приятный вечер! – и, преступив мою бессловесную телесность (увидел голубенькие тесные трусики, нежные внутренние поверхности бе-

дер), ушла.

Громилы двинулись следом. В дверях первый их них – брито-плешивый – обернулся и посмотрел на второго, коротко стриженного, посмотрел с вопросом, сидевшим, видимо в печенках. Тот, моментально поняв напарника, сделал рожу елейной и вернулся на кухню со словами: «Кися, кися, иди ко мне!»

Ложка меда обошлась мне дорого – они, ловя кисю, многое перевернули, испортили и разбили, в том числе и горшок с любимой моей геранью, ало цветшую круглогодично. После того, как кися повисла в воздухе, жестко схваченная за горло на славу расцарапанной рукой, нирвана моя стала тихой, теплой и оптимистичной. Я ждал финала нетерпеливо, как роконосец-театрал ждет удушения Дездемоны. Однако ко великому моему сожалению пришельцы оказались на удивление мягкотелыми (то-то на фене не ботали), и я не услышал глухого стука кошачьего тела о бетонную стену.

* * *

О господи! Как хорошо я жил без него! Эта сладкая холостяцкая жизнь, свободная и всепоглощающая, как симфония Бетховена! Эти посещения славной Теодоры, сладостные, бурные, опустошительные,жигающие, как самум!

А ее уходы? Лишь матерые холостяки знают, что такое закрывать дверь за возлюбленной, закрывать на два оборота,

щеколду и цепочку! Это счастье, единственное в своем роде, это счастье самоопределения, это вновь зачавшееся будущее, это, наконец, заход солнца! Вы любовались закатами? Конечно же, любовались, вы видели, как солнце, закончив свое дело, удовлетворенно уходит за горизонт, чтобы появиться снова, когда вы очнетесь от грез и сновидений, очнетесь от девственных заоблачных принцесс и несуществующих в материальном мире преданных женщин!

* * *

Да, к великому моему тогдашнему сожалению пришельцы оказались на удивленье мягкотелыми, и потому мне не довелось услышать глухого стука кошачьего тела о бетонную стену. Но я был вознагражден, ибо nirvana моя стала жиже, и я смог увидеть гражданскую казнь Эдички из реальной жизни.

Эта гражданская казнь! Я до сих пор вижу ее воочию – ведь находился, хм, в партере, – и до сих пор Эдичка видит ее в моих глазах. Сейчас, когда он начитает выделяться или кокетничать, я показываю ему согнутый средний палец, и он тут же конфузится, превращаясь в довольно симпатичное домашнее животное не такого уж черного цвета.

Как вы, наверное, догадались, гражданская казнь Эдгара-Эдички состоялась в туалете. Неизвестно за какие грехи расцарапанная рука сунула его головой вниз в унитаз и спустила воду. Процедура, видимо, для закрепления эффекта,

была повторена – вода в бачек у меня набирается быстро. Когда казнь подошла к концу, и кот, фыркая, выбрался из унитаза, расцарапанная рука вынула из-под последнего моющего средство под названием «Утенок» (согнутый средний палец обозначает именно его) и бросило мне на тело с едкими словами: – Вымой свою кошатину перед тем, как брать ее на руки.

Я люблю хорошую шутку, и потому не смог не улыбнуться. Они ушли. Кот тут же встал предо мной и отряхнулся так, что я вымок с ног до головы.

Хорошо, что у кошек нет среднего пальца, а если есть, то они не могут его согнуть.

* * *

Пока Эдичка сох под батареей – была уже осень, и она пылала – я прибрался на кухне. Вынеся мусорное ведро с битой посудой (дай бог, на счастье), уселся на диван, взял бутылку – она, предусмотрительно закрытая, не пострадала – выпил рюмочку, закурил, задумался.

Первый этап мыслительного процесса завершился твердым заключением (или посылкой): если я не увижу Наталью хотя бы еще раз, не увижу хотя бы со стороны, жизнь можно считать неудавшейся ни на йоту (тот, кто видел эту девушку, сказал бы что я весьма и весьма бледно выразился).

После этого заключения, отмеченного стопкой, последо-

вало следующее: Наталья – принцесса, ибо только принцессы имеют телохранителей, интеллигентных по нашим дням телохранителей – интеллигентные просто треснули бы кофта о стену, а затем помянули бы, опустошив бутылку виски водоворотом «из горла».

Сделав этот вывод, я опрокинул другую стопку и минут на десять унесся в страну грез. В ней я увидел папашу-суболигарха, влюбленного в девочку-красавицу, дочку-умницу, гордящегося ею, говорящего всем, что она – его единственное сокровище, и он отдаст ее лишь доподлинному принцу с общепризнанной родословной и безукоризненно купированным хвостом. Я увидел, как восторженно смотрит он на нее и как подозрительно – на мужчин, парней и мальчиков, я увидел, как он нанимает ей телохранителей, с приказом беречь это божественное существо от сладострастных взглядов и падения пылинок.

– Беречь ее от падения... – проговорил я вслух, чувствуя, что мысль движется в верном направлении. – Ну да, конечно, папаша приставил к ней хранителей тела именно с этой целью. Значит ли это, что она девственна?!

Решив, что не значит – в наши алчные времена девушке трудно остаться невинной, да и знал я одну девственницу, у которой девственной, хм, условно-девственной, оставалась одна лишь плева, – я спустился на землю, и стал думать, как найти Наталью. И тут пришел кот, выглядевший жалко в своей свалявшейся шубе. В его глазах я прочел: – Если ты за-

будешь картину Петрова-Водкина «Купание черного кота», то я ее найду.

– Ты и так найдешь, – усмехнулся я. – Ведь тобой движут не мои чувства, а собственные.

Глаза Эдгара-Эдички стали решительными. Чувствовалось, он сделает все, чтобы отомстить оскорбителям и стать подданным женщины, оптом покупающей дорогие кошачьи консервы. А может, мне и казалось, что я читаю его мысли – у меня богатое воображение, и спиртные напитки усугубляют его десятикратно.

Решительные глаза Эдгара-Эдички, остановившись на моем лице, стали презрительно-скептическими. Тронув лоб, я нащупал болезненную шишку. Пошел к зеркалу, осмотрел ее так и эдак. Постепенно и мои глаза стали решительными, и я пробормотал: – Получить в лоб в собственном доме! Нет, так я этого не оставлю!

Я вернулся к столу, сел на место, пыша гневом – шишка была отвратительной, и она видела меня с ней! и с насмешкой назвала красавчиком.

Эдгар-Эдичка занял свой стул. Мы посмотрели друг на друга. Как Ульянов-Ленин с Бронштейном-Троцким смотрели друг на друга перед эпохальным выстрелом «Авроры», мы смотрели друг на друга, как Березовский с Гусинским смотрели друг на друга перед тем, как вонзить ножи в необъятный российский пирог, мы смотрели друг на друга, как Отто Скорценни с Адольфом Гитлером смотрели друг на друга,

решив, во что бы то ни стало, спасти Бенито Муссолини и его любовницу Клару Петаччи от позорного повешения вниз головой.

– Слушай, а что они так на тебя озлились? – спросил я, решив перевести встречу на более низкий уровень.

Он не ответил, но я увидел, как Наташа, взвинченная подружкой и алкоголем, пытается скрыться от своих навязчивых тело-хранителей, как они бегут за ней, запыхавшись, и как Эдгар заслоняет ее своим мускулистым черным телом, телом, сулящим неотвратимую беду, а потом презрительно метит наиболее оторопевшего охранника, и как они, расвирепевшие, бросаются за ним, совершенно забыв о подопечной девушке.

– И за это она нас накормила, – заключил я свой фантазм.

– Ну да. Кстати, неплохо бы перекусить чем-нибудь вкусеньким, – подумал Эдгар-Эдичка, облизнувшись.

Я открыл ему баночку «Фрискаса», другую – себе, ибо то, что я готовил для Натальи, было либо съедено, либо затоптано и на радость крысам обитало уже в мусоропроводе.

– Эдак я отвыкну от человеческой еды, – сказал я, вычистив банку, так, что и микроб-дистрофик не смог бы в ней поживиться.

– И шерсткой обрастешь, и хвостатым станешь, – пристально посмотрел Эдгар-Эдичка. – Видел недавно по телевизору рекламный ролик. В нем доказывалось, что систематическое трехразовое употребление кошачьей пищи приво-

дит к увеличению лохматости на сто восемьдесят девять процентов – особенно на спине. А каждая новая банка говяжьего «Фрискаса» увеличивает длину копчика на один миллиметр, но за счет общей длины позвоночника. Так что сожрешь еще десяток банок из моих запасов, и Наташа с удовольствием возьмет тебя на руки.

Вот так вот. Истратил мои последние деньги на красоту, а теперь попрекает своими консервами.

Покачав осуждающе головой, я выпил стопку и захрустел кроликом со злаками. Кролик со злаками после пятидесяти грамм хорошего виски – самое то, рекомендую.

– Алкоголик несчастный, – посмотрел кот, пожалев своих гранул. – Такая девушка пропадает, а он виски хлещет, как водку.

– Да не алкоголик я, это – характер. Понимаешь, я всякое дело довожу до конца – это принцип. И не выпитое, так же как и недоделанное вызывает у меня острое желание...

– А если бы у тебя было триста бутылок, как у Наташиного папаши в баре? – перебил он меня мысленным напором. – Ты бы глаз не сомкнул, пока их не прикончил?

– А откуда ты знаешь?

– Что знаю?

– Что у ее папаши триста бутылок в баре?

Если бы некто, не верящий в телепатию, увидел, как я разговариваю с черным котом, он немедленно позвонил бы либо в вытрезвитель, либо в скорую психиатрическую помощь.

Ну, или испуганно осенил бы нас крестным знаменем – свят, свят, свят!

– Она рассказывала... – мечтательно телепатировал Эдгар-Эдичка. – Когда мы на крыше сидели.

– Вы и на крыше были?!

– А что?

– Да ничего. Просто знаю, зачем коты на крыши подрывают.

– Да ладно тебе. Кто старое помянет, тому глаз вон.

– Ты, что, Эдгара По читал?!

– Нет, а что?

– Да в одном его рассказе герой допил бутылку до доньшка и потом коту своему глаз перочинным ножиком вырезал.

– Потому что глаз зрел в корень? – кот мой был не промах и за словом в карман не лез.

– Ну да.

Мы посидели, критически рассматривая друг друга.

– Так что будем делать? – первым нарушил я молчание.

– А ты сможешь промыть им мозги в унитазе? – посмотрел он на мои бицепсы.

Я вспомнил типов и сказал, как мне кажется, уверенно:

– Смогу. Но по одиночке и если найду, наконец, гантели и приведу себя в порядок. Кстати, надо бы и тебя в порядок привести. А то у тебя после купания вид не совсем презентабельный, не говоря уже о запахе.

Следующие полчаса я мыл, чистил и дезодорировал Эдич-

ку. Пока он с философским видом сох под батареей парового отопления, я нервно размышлял.

Мне было о чем подумать. Купая Эдгара, я обнаружил на его макушке шрамы. Они образовывали практически правильный прямоугольник три сантиметра на три, и под ними прощупывались костные бугорки. Предположив, что моему коту делали трепанацию, я вспомнил тетку...

До того, как стать изворотливым предпринимателем, она, известный доктор медицинских наук, профессор, а впоследствии и засекреченный лауреат Государственной премии по физиологии животных, строила коммунизм в отдельно взятом оборонном биологическом НИИ, занимавшимся проблемами использования животных и прочей живности в военных целях. В основном институт имел дело с тривиальными дельфинами, но время от времени в него призывали на переподготовку и крыс с мышами, и тараканов, и даже крабов (тетка называла их короткохвостыми раками).

Эти сведения, как-то полученные мною в ходе распития на двоих пары бутылочек ледяной «Столичной» (ничего другого она тогда не пила), позволяли сделать вывод, что и мой кот служил в Советской Армии подопытным кроликом. И имел в ней дело со скальпелем тетки, которым та владела так же мастерски, как и острым своим язычком. Но в таком случае, Эдгару-Эдичке должно было быть, по меньшей мере, пятнадцать лет, а для кошек – это старческий возраст. Максимум ему можно было дать лет пять, то есть, он мне,

относительно говоря, однолетка. Но ведь его могли принести тетке уже после того, как она перестала ставить опыты над животными, предпочтя им рискованные финансовые?

Поставив перед собой этот вопрос, я вспомнил, как старший брат ревниво говорил мне в процессе распития на двоих пары бутылочек ледяной «Столичной» (он во всем подражал обладательнице кошелька, его подкармливавшего), что бывшая коллега принесла ей на дом не то попугая, не то щенка, в общем, какую-то полуживую живность, и теперь она, кроме этой живности, знать никого не знает. Конечно же, этот попугай или щенок мог быть котом, недавно перешедшим ко мне по наследству.

Осознав это, я содрогнулся. Конечно, у него могли покопаться в мозгах, усовершенствовать их, обработав химически или добавив человеческого серого вещества, могли, наконец, получить Эдгара от генетически измененных родителей, родителей мутантов (вот откуда 26 пальцев!) – все это нормально и перевариваемо в наше прогрессивное время, потому что вполне возможно. А если он типа Шварценеггера? То есть Терминатора, и внутри у него триггеры, провода с лампочками и резинометаллические мышцы?!

А глаза?! У него такие глаза... Не глаза, а беспристрастные датчики.

А если он не человек, то есть не кошка, привычная всем домашняя кошка, которая, в крайнем случае, может оцарапать или пометить, а механическое дистанционно управляе-

мое существо? Он же разговаривает со мной, пусть мимикой и жестами! И дает адекватные ответы! Значит, у него внутри есть еще и микрофон? И передающее устройство? То-то он, на вид простой черный кот, животное, можно сказать, льнул к Наталье! Небось, сидел на командном пункте в ста метрах под землей какой-нибудь военный оператор, оголодавший на срочной, и, направляя к соблазнительной девушке, жал на кнопки, жал одной рукой, потому что другая была занята! И этот же оператор теперь жмет на другие кнопки, заставляя кота искать девушку моими силами. И ведь все сходится! Как он смотрел на распалившуюся Теодору! И приревновав ко мне, сбросил на нее мою любимую вазу!

Нет, надо его... терминировать. Ведь хотел же это сделать, лишь увидев его, ведь чувствовал, что имею дело с неопознанным явлением, явившимся по мои душу и тело! Да, надо.

Я представил, как отрываю киберкоту кремнийорганическую лапу, и за ней тянутся разноцветные проводки – красный, желтый, голубой и черный, и из раны вместо крови льется красноватый жуткий свет, и кот движется на меня на оставшихся трех, движется хищно опустив голову, движется, как немецко-фашистский танк на красноармейца с трехлинейкой.

Тут у меня волосы стали дыбом – он, откуда не возьмись, вероятно, сзади, прыгнул мне на колени... и, влажный после купания, мирно свернулся на них колечком. Когда дрожь

в руках унялась, и волосы легли не место, я потрогал кота. Сначала испуганно, затем робко. Все было вроде бы в норме – температура, эластичность шкуры, реактивные движения и дружеское урчание, которым он не замедлил одобрить мои прикосновения. Осмелев, я принялся его пальпировать без сантиментов, и не обнаружил внутри никаких чужеродных предметов вроде встроенных раций, питающих элементов, коробок передач и гидравлических усилителей. Эдгару пальпация не понравилось, и он, недовольно глянув, соскочил на пол, чтобы заняться вплотную говядиной со злаками. И так ее грыз, пожирал, можно сказать, что у меня не осталось никаких сомнений, что питательные гранулы уничтожаются им не в целях маскировки своей робототехнической сущности под обычное проголодавшееся животное земной природы, а для приведения органических биосистем, тривиальных на нашей планете, в штатное состояние.

Он грыз, а я ликовал. Бог с ним, пусть генетически измененный, пусть с человеческими мозгами и серым веществом, но ведь зато не механический, и без встроенных телекамер, не управляемый кем-то (управляют-то одни маньяки), то есть божье, как и я создание. Ну и слава богу! С божьим созданием можно жить и договариваться, ведь оно, в крайнем случае, лишь оцарапает или украдет со стола сосиску. Но не перегрызет ночью горло титановыми зубами.

Тут, как на зло, у соседей сверху включили Владимира Высоцкого, и я услышал: «Вечно в кожаных перчатках, чтоб

не делать отпечатков» и так далее. «А если... А если его через забор перебросили?!!» – сверкнула в мгновенно напрягшемся мозгу мысль.

Я вмиг покрылся холодным потом и увидел, как через электрифицированный забор военно-медицинского предприятия, через сверкающую змею спирали Бруно перебрасывают последнюю надежду Родины, перебрасывают маленького пищущего котенка с тщательно забинтованной головой, перебрасывают, не дав ему придти в себя после сложнейшей семичасовой операции на мозге. Человек в перчатках, черном прорезиненном плаще и очках, опасно оглядываясь, подбирает его, укладывает в коробку из-под кроссовок, бросается в темноту. Вот он уже у тетки. Сидит за столом под низкой лампой с широким металлическим отражателем. В свету ее греются старорежимная фаянсовая супница и коробка из-под кроссовок – в ней жалобно попискивает несчастный котенок. Слышится плеск воды – все краны в квартире открыты. По радио, включенному на всю катушку, передают «Все мы, бабы, стервы», по телевизору – «Вести». Магнитофон трясется от «металла».

– Десять тысяч долларов за этого кота?! Да вы смеетесь! – кричит человек в перчатках, черном плаще и очках. – У него мозги как у Владимира Жириновского! Он вам через год принесет миллион баксов чистой прибыли, а если сумеете переправить его на Запад, то все сто!

– Я вполне довольна своими мозгами, – отвечает тетка Ви-

ка. – И потому беру его не себе, а Калугину, он просил одного для ЦРУ.

– Для ЦРУ!?! – в ужасе вскакивает человек. – Мы так не договаривались! Я честный россиянин, демократ, между прочим, и регулярно голосую за прогрессивные блоки.

– Да что вы так пугаетесь? – мягко говорит ироничная тетка. – Сейчас в нашем институте, мне говорили, почти каждого сотрудника свой цэрэушник у проходной встречает. И провожает до остановки, а то и до дома, если разговор предметный.

Человек в перчатках, черном плаще и очках безвольно опускается на стул:

– Где там ваши деньги?..

Тетка достает из супницы импортный банковский кирпич, кладет на стол. Насупившийся человек придвигает к ней попискивающую коробку.

* * *

У соседей сверху продолжал петь Высоцкий: «Не хотите ли черешни? – Да, конечно, я хочу. – Он вам даст вагон взрывчатки, привезите мне вагон».

– А что, если все так и было? – задумался я, когда человек в перчатках, черном плаще и очках понуро ушел в ночь, Высоцкого выключили, а Эдгар устроился у меня на коленях, как некогда на коленях тетки, доставшей его из короб-

ки. – Все так и было, и кот, секретная государственная собственность – краденый, да что краденый – ушпионенный? То-то, его, не желая рисковать на таможне, с собой в Аргентину не повезла и в глухой деревушке, в развалившемся домике прятала (или бросила, чего-то перепугавшись?). А эти сапоги? Да наверняка это опознавательный знак серии «Автоматический кот, модернизированный, дважды усовершенствованный», в аббревиатуре АКМ2у? А как я его получил в личную собственность? Все родственники свое получили, как полагается, через красивые правильные бумаги с печатями и подписями, а мне брат позвонил, проговорил: «Тебе домик в деревне оставили, в Хриплах, Калининской, со всякой там живностью, документы потом получишь», – и трубку с грохотом уронил, как будто голову ему из подствольного гранатомета отстрелили.

А тетка Вика? Она ведь рукава засучила, после того как первый наш президент по телевизору сказал: «Берите, сколько унесете». И взяла, по уговору с начальником-генералом корпус, не танковый, правда, а ремонтный. И так он ей понравился, этот корпус, таким он теплым оказался, что в приснопамятном августе под недемократический танк полезла с литровой бутылкой спирта (тогда он был дешевле бензина и на каждом углу для народа продавался), полезла, чтобы до корпуса ее тот не дополз. Хорошо, танкисты ушлые были – запах характерный вмиг учуяли и тетку со всем ее весом к себе интернировали, то есть затащили вместе с ро-

ялем, – спирт-то «Рояль» назывался. А тетке все нипочем – вмиг о демократии забыла, так ей квасить в танке понравилось, не каждому повезет. Что еще они в нем делали, не знаю, но это после ее попадания в танк трое бедных зевак «Героев России» получили, уж простите за утечку конфиденциальной информации.

Да, запросто могла она секретными кошками заняться... Тем более, дом в Буэнос-Айресе уже был, то есть было, где от ФСБ прятаться...

Все сходится... И кота, возможно, до сих пор ищут. Компетентные органы. И чтобы не сесть за соучастие и измену Родине, я должен, по меньшей мере, перекрасить его из вороного в кардинально буланого.

Нет, нельзя. Перекрасить – значит, подписаться в соучастии.

Так что же делать? Идти на Лубянку? Глупо – могут в психушку отправить... Явись ко мне человек с котом и стань он говорить, что в его руках новейшее секретное оружие под кодовым названием «Васька-3», я бы точно прописал бы его в «Кашенко».

Что же делать, что же делать?.. Вот ведь навязался на мою голову! Вроде паранойя в чистом виде, а вдруг и в самом деле он секретный? Нет, это паранойя. Хотя почему? Использовали дельфинов в военных целях? Использовали! Мышей с тараканами использовали? Использовали! Гадость всякую с их помощью в стане противников распространяли. О соба-

ках и голубях и говорить не стоит – испокон веку воюют, сами того не зная.

Кстати, тетка ведь обмолвливалась, что пришлось всеми правдами и неправдами новую лабораторию создать, чтобы доктором наук быстрее стать. Всеми правдами и неправдами... Поговорила, наверное, со своим генералом тет-а-тет, сказала, что он может создать целое направление в военной науке и стать основоположником, то есть действительным членом еще и Академии наук, и предложила кошек. Кто может незамеченным прокрасться на территорию возможного противника? Кошка! Кто может так пометить военный объект, пусковую установку, например, что ее уже не скроешь? Кот! Кто может втереться в доверие к секретноносителю? Кошка! А если врезать ей в мозги микрочип?

Тут кот, к этому времени мирно спавший у меня на руках, раскрыл глаза (они распахнулись как механические), посмотрел желто. Я понял – ему надоели мысли, будоражившие его ложе усиленным сердцебиением и учащенным дыханием, и потому он хочет внести ясность. Весь пропитавшись его пронизывающим телепатическим взглядом, я вновь увидел стол под низкой лампой с широким металлическим отражателем, за ним – собранную в кулак тетку Вику и человека в перчатках, черном плаще и очках.

– Десять тысяч долларов за этого кота?! Да вы смеетесь! – кричит человек. – У него мозги как у Гусинского! Он вам через год принесет миллион баксов, а если сумеете перепра-

вить его на Запад, то все сто!

– Я вполне довольна своими мозгами, – отвечает тетка. – И потому беру его не для себя, а для племянника Жени. И ни о чем не беспокойтесь – я все предусмотрела, все приходные бумаги уничтожила, так же, как и все журналы наблюдений и анализов, и потому котик этот существует теперь лишь в этой коробке...

* * *

Успокоенный результатом размышлений (или приступа паранойи?), я решил, что беспокоиться не стоит, ибо тетка всегда знала, что делать и ей всегда можно было довериться. И, вернувшись к действительности, включил компьютер, нарисовал себе (то есть маркизу Смирнову-Карабасу) красочную визитку и распечатал дюжину на плотной глянцевой бумаге. Как только я их разрезал и спрятал в бумажник, кот встал и пошел к двери походкой существа, хорошо знающего, что делать. Я понял, что у него есть оперативный план и спешно оделся.